

Лиха беда начало. Уж в чем в чем, а в искусстве молоть языком и городить чепуху Ин Цинъян знал толк.

Коснувшись кистью бумаги, он размахнулся во всю ширь и исписал целый лист рисовой бумаги. О смысле написанного рассуждать не приходилось, но объем внушал уважение — по крайней мере, рвение сквозь эти каракули так и сквозило. Под занавес он с особым шиком вывел размашистую, заносчивую подпись: свое собственное имя.

Каракули его походили на следы куриной лапы: иероглифы то лепились друг к другу, то разбегались в разные стороны, словно брезговали соседством. Разобрать там что-либо было решительно невозможно. И лишь три знака в самом низу — «Ин Цинъян» — красовались на удивление чинно и опрятно, будто выведенные совершенно чужой рукой. В очертаниях штрихов даже угадывался почерк Цзян Юньчжи.

Великий наставник Цзян когда-то славился в столице своим безупречным, исполненным благородной силы «безумным курсивом», но Цинъян не унаследовал от учителя ровным счетом ничего. Его стиль был чисто сорным — сорняк сорняком, безалаберность, буквально замешанная на чернилах.

Любой грамотей счел бы такую писанину оскорблением взора. Великий наставник в свое время едко заметил: вздумай Цинъян, будучи безродным простолюдином, сдавать государственные экзамены ради чиновничьей службы, его завернули бы только из-за почерка — года три, а то и пять мариновали бы на пороге. И это при условии, что в голове у него водились бы хоть какие-то знания. На деле же старик просто хотел сказать, что чиновничий путь парню заказан раз и навсегда.

Цинъян тогда смертельно обиделся. Не то чтобы он не ведал за собой грехов, просто суждение, будто учение превыше всего, казалось ему напыщенной глупостью. На свете полно других ремесел, и любое из них куда забавнее, чем протирать штаны за книгами.

За эти речи Великий наставник, чьей заветной мечтой было возрождение Великой Ин, гонял наглеца веником по всей деревне. Сделали несколько кругов, но упрямец так и не повинился.

В этом был весь он. Другой на его месте, слушая ежедневные поучения наставника, поумнел бы, будь он хоть трижды дубиной. Но за полтора десятка лет Цинъян ни капли не изменился — все такой же шалопай, ничем не отличающийся от любого деревенского мальчишки. Он попросту не желал утруждать себя премудростями, бубнить заученные трактаты да рассуждать о высоких материях вроде управления государством или уроков истории. Все, что престарелый учитель пытался вдолбить в его буйную голову, отскакивало как от стены. Юноша признавал лишь то, что нравилось ему самому. И умение красиво писать собственное имя, пожалуй, было единственным исключением.

Оглядев плод своих трудов с немалым удовольствием, Цинъян без тени сожаления сложил лист вчетверо и небрежно швырнул на стол — сойдет для отчета. Тоже мне, разбежался выполнять каждый приказ старика! Послушание — удел верных помощников, а он для наставника всегда

был главным источником головной боли.

Он вернулся к очагу и примостился на низкую скамеечку. Взгляд его упал на спящего гостя: тот даже в забытии хмурился, словно безмолвно осуждая его корявое творение. Цинъян так и прыснул. В полумраке, при слабом свете только что зажженного светильника, его миндалевидные глаза хитро сощурились — вылитый кот, стащивший сметану.

Он принялся загибать пальцы, шутливо выговаривая бесчувственному телу:

— А ну-ка посчитай, сколько ты мне уже задолжал? Мою сеть, одежду, постель, мой лук... — На этих словах Цинъян застыл. Глаза его округлились, и он с силой хлопнул себя по бедру: — Твою мать! Я же ненаглядную свою в сугробе бросил!

Он выпалил это вслух, отчего дежуривший у двери А-Мо удивленно вскинул голову.

— Молодой господин... неужто наложницу взять решили?

— Какую еще наложницу! Оружие мое, сокровище бесценное! — взвыл Цинъян, заметавшись по комнате как угорелый.

Стоило прикрыть глаза, как перед взором вставала жуткая картина: его любимица мерзнет в глубоком снегу. Он ведь каждый месяц бережно смазывал древко сосновым маслом, пылинки с нее сдувал! А тут, спасая этого задохлика, швырнул ее прямо в сугроб.

Не успел он велеть А-Мо сходить на поиски, как со стороны постели донесся глухой, натужный кашель. Обернувшись, Цинъян увидел, как на бледных губах незнакомца выступила темная, почти черная кровь. На его красивом, изможденном лице вновь проступил смертный пепел.

Лекарь Сунь предупреждал: когда пилюля очищения от ядов начнет действовать, яд станет выходить с кровью, и в сочетании с сильнейшим жаром это станет для раненого настоящей пыткой.

Цинъян замер, затем торопливо взял чистую тряпицу и шагнул к кровати. Осторожно отерев запекшуюся кровь, он заметил, что незнакомец хрипит — темная жижа забивала дыхание, заставляя его содрогаться в беззвучных спазмах. Он запрокинул голову, вытянув шею, точно утопающий, тщетно пытающийся глотнуть воздуха. Вся его былая утонченность испарилась, уступив место жалкому, беспомощному борению со смертью.

У Цинъяна перехватило дыхание. Помедлив мгновение, он приподнял раненого, устроился позади него и устроил чужую спину у себя на плече, набросив на них обоих тяжелое лоскутное одеяло. Пальцами он мягко сжал его челюсть, не позволяя захлебнуться ядовитой мокротой.

Склонившись к самому уху незнакомца, он принялся вкрадчиво нашептывать:

— Так, ладно... За это ты торчишь мне брусок аквиларии. Да непростой, а из векового дерева, понял? Ценная древесина, редкая... Слышишь? Аквилария, аквилария...

Он бубнил без умолку, точно надеялся, что этот бесконечный заговор врежется в беспамятный разум гостя и заставит его расплатиться по долгам.

То ли нудный шепот возымел действие, то ли несчастный просто устал от этого несмолкаемого зуда, но кашель постепенно утих. Когда обмякшее, длинное тело раненого привалилось к груди Цинъяна, тот почувствовал, как сквозь слои одежды пробивается сухой, лихорадочный жар. Кожа горела.

Весу в нем почти не было — плечи и спина казались пугающе тонкими, будто хрупкий каркас из костей едва удерживал угасающую жизнь. Глядя на него, легко было вообразить благородного господина, ставшего жертвой коварных интриг и претерпевшего страшные муки.

Однако ход мыслей у Цинъяна разительно отличался от обывательского.

— Ох... — вдруг выдавил он, шумно втянув сквозь зубы воздух.

А-Мо, заметив это, склонил голову набок:

— Тяжело, молодой господин? Может, мне его подержать?

— Да нет, — хмуро отозвался тот. — Просто у этого парня ноги длиннее, чем моя жизнь.

А-Мо захлопал глазами:

— А?

Мальчик перевел взгляд на кровать. Двое юношей сидели, тесно прижавшись друг к другу. Раненый безвольно склонил голову на плечо хозяина дома, их лица оказались совсем близко, а растрепанные темные волосы переплелись, являя взору картину тонкую и даже изящную. Но при чем здесь ноги?

Цинъян же всерьез озадачился:

— Гляди сам: мы оба сидим на постели, и макушкой он вровень со мной. Значит, туловище у него короче, а ноги длиннее моих как минимум на пару цуней!

А-Мо, не отличавшийся быстрым умом, лишь глуповато кивнул и попытался подбодрить его словами, которые частенько слышал от дядюшки Фэна:

— Ваше Высочество ведь еще растет.

Цинъян только зубами скрипнул. Уж лучше бы малец молчал.

Привалившись спиной к холодной глинобитной стене, он нащупал среди тряпья недочитанную книжку с забавными историями. Одной рукой он время от времени отирал темную кровь, выступавшую на губах гостя, а другой держал разворот, поглядывая туда вполглаза. А-Мо тем временем был отправлен присматривать за целебным отваром.

Когда приступы рвоты наконец утихли, раненый затих, но его тело начало стремительно наливаться жаром. Цинъян попытался влить в него горькое лекарство, однако половина снадобья просто пролилась мимо, а лихорадка и не думала отступать.

В бреду несчастный метался, ловя губами воздух, из его горла вырывался невнятный шепот. Разобрать слова было невозможно. Цинъян прижал пальцы к его запястью, пытаясь уловить ниточку пульса.

— Дер... зость... — сорвался с сухих губ хриплый, надтреснутый шепот.

Внезапно его безжизненная ладонь взметнулась и вцепилась в запястье Цинъяна. Ногти до боли вонзились в кожу, силясь оттолкнуть спасителя.

Цинъян поморщился от острой боли и прошипел сквозь зубы:

— Хватка у тебя железная, ничего не скажешь. Ну давай, держи крепче, посмотрим, утащишь ли ты меня за собой в преисподнюю.

Пока в главном доме велась безмолвная борьба со смертью и тусклый огонек светильника не угасал ни на миг, в другой комнате было тихо. Великий наставник Цзян Юньчжи, некогда занимавший пост канцлера Великой Ин, стоял у окна. Он слушал яростный вой метели, в котором слышался плач самой земли.

Разбушевавшаяся стихия селила в душе тревогу. В воздухе пахло грозой — за долгие годы затворничества в Цюнчжоу он слишком многое успел позабыть. Взгляд старика устремился в непроглядную тьму, а в мыслях вновь зазвучали утренние слова Цинъяна: «Пора уходить из Цюнчжоу».

При тусклом свете лампы его фигура казалась хрупкой и сгорбленной. Полтора десятка лет, проведенных в жалкой безвестности, тяжелым бременем легли на его плечи, и в эту ночь, под завывание бури, он окончательно утратил былую выправку.

— Что ж... верно, пора в путь, — прошелестел его надтреснутый голос, растворяясь в глубоком вздохе.

К утру метель унялась так же внезапно, как и началась — капризное дитя природы наигралось, не заботясь о том, скольких погубила его забава. С первыми лучами солнца Цзи Чэнфэн и Чэнь Лэй вышли во двор, чтобы расчистить главную деревенскую тропу, дабы старики и малые дети не переломали ноги в сугробах.

Лекарь Сунь, заложив руки за спину, неторопливо побрел к главному дому. Лекарскую сумку он брать не стал: старик не питал иллюзий насчет живучести раненого и полагал, что идет скорее заколачивать гроб, нежели врачевать. Да и тратить на мертвеца драгоценные снадобья ему очень не хотелось.

Он уверенно толкнул дверь. Хоть удар и вышел несильным, стоявшая у самого входа низкая кушетка покачнулась и рухнула. Спавший на ней А-Мо кубарем покатился по полу и, трижды перевернувшись, замер, хлопая заспанными глазами.

Лекарь степенно погладил бородку и недовольно цыкнул:

— Хлипкая у тебя бдительность, малец. Надо тренировать.

О том, что приличные люди стучатся перед входом, он предпочел умолчать.

Слух у А-Мо обычно был отменный, но после бессонной ночи, проведенной в хлопотах подле молодого барина, он спал беспробудным сном.

Всю ночь Цинъян без устали обтирал лицо, лоб и ладони больного талой водой. Жар то спадал, то накатывал с новой силой; жизнь незнакомца висела на волоске. Около третьей стражи тот задышал так тяжело и прерывисто, что А-Мо уже потянулся за лопатой — приглядеть на заднем дворе сухое местечко для могилы.

Но гость оказался невероятно живучим. Цинъян часами удерживал его, остужая пылающую кожу влажными тряпицами, а под язык ему положили добрую половину целебного корня женьшеня. Так они и дотянули до рассвета.

Переступив порог, лекарь Сунь уловил странную, мертвенную тишину и невольно понизил голос до шепота:

— Ну что, испустил дух?

— Живой он... — зевая во весь рот, пробормотал А-Мо.

Мальчику порой казалось, что у его хозяина с этим бедолагой какие-то старые счеты, иначе с

чего бы так яростно бороться за его жизнь? Стоило ли удерживать душу в израненном теле, если покой принес бы несчастному долгожданное избавление? Но Цинъян разделил с ним эту муку до самого донышка. Упрямства ему всегда было не занимать.

Старик изумленно покачал головой:

— Да как так-то? Он же глотать толком не мог, половина снадобья наружу лилась. При таком раскладе не выживают...

— Молодой господин заставил его все выпить, — сонно пробормотал А-Мо.

— И как же он ухитрился?

Мальчик вопроса не понял:

— Ну... просто взял и влил?

Лекарь озадаченно потер подбородок:

— Умирать шел, а уцелел... Поразительное упрямство плоти. О таких людях слухи еще в юности ходят. Помнится, когда я служил в столице, один коллега рассказывал про юношу из знатного рода — тот, спасая кого-то, принял на себя с десятков ножевых ударов, кровью изошел, а все равно выкарабкался...

Старик опять пустился в воспоминания, а А-Мо послушно кивал, едва сдерживая очередной зевок.

Лекарь прошел вглубь комнаты и устремил взор на постель. Видел он скверно, почти вслепую, и различал лишь неясные очертания.

Под двумя тяжелыми ватными одеялами спали двое. Они лежали голова к голове, деля один пышный валик, соприкасаясь щеками так тесно, будто обнимались во сне. Их распустившиеся длинные волосы перепутались, сливаясь в единое черное облако, скрывавшее лица. Сложно было даже вообразить, что творится под покровом одеял.

Лекарь Сунь в бытность свою придворным насмотрелся на столичные нравы и прекрасно знал, какие вольности порой царят среди благородных господ, благосклонных к мужской красоте. Осознание того, как именно Цинъян вливал горькое снадобье в беспамятного раненого, мгновенно озарило его старый разум.

Он возмущенно всплеснул руками и в сердцах прошипел:

— Срамота какая!.. До чего докатились!

<http://bllate.org/book/19722/1956682>